

есть все возможности постепенно перейти в разряд нормативной лексики, что происходит в настоящее время.

Таким образом, неологизмы, порожденные в разговорном дискурсе и закрепившиеся в нем, обладают широким потенциалом к пополнению в будущем словарного запаса языка. Может произойти как мелиорация, так и пейорация их значения. Возможна также смена их стилистической принадлежности.

Данный процесс является естественным для языка и не должен вызывать у носителей языка и ученых беспокойства, потому что он отражает жизнь общества, его развитие.

Список литературы

Карпова Н.С. Роль метафоры в развитии лексико-семантической системы языка и языковой картины мира (на материале английских и русских неологизмов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.С. Карпова. – Саратов : [б.и.], 2007 [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.podelise.ru/docs/index-1581.html> (дата обращения: 11.01.2013).

Гацалова Л.Б. Неология как наука в общей парадигме современного языкознания (на материале русского и осетинского языков) : дис. ... д-ра филол. наук / Л.Б. Гацалова. – Нальчик : [б.и.], 2005 – 521 с. [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://31f.ru/dissertation/422-dissertaciya-neologiya-kak-nauka-v-obshhej-paradigme-sovremennogo-yazykoznanija-chast-1-iz-2.html> (дата обращения: 5.01.2013).

Черепанова И.С. Особенности возникновения и функционирования современной молодежной лексики (на примере немецкого, английского и русского языков) / И.С. Черепанова // От родного порога – к мировым ценностям : сб. материалов науч. конф. – Сургут, 2002 [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.podelise.ru/docs/index-6773.html> (дата обращения: 15.12.2012).

Ryder M.E. Ordered Chaos. The Interpretation of English Noun-Noun Compounds / M.E. Ryder. – Berkeley ; Los Angeles : CA, 1994. – 449 pp.

Urban Dictionary [electronic resource]. – Mode of access: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 10.12.2012).

ФУНКЦИИ МЕЖДОМЕТИЯ В НЕМЕЦКОМ ТЕКСТЕ

Н.И. Горбушина

*Научный руководитель: Н.М. Платоненко,
кандидат филологических наук, доцент (УдГУ)*

В последнее десятилетие в лингвистических исследованиях возрос интерес к междометиям. Однако, несмотря на это, междометия до сих пор остаются малоизученным объектом языкознания.

Большинство работ, посвященных данному языковому феномену, освещают следующие моменты в изучении междометия: его дефиницию, свойства, а также классификацию междометий. Как отмечают языковеды,

главным назначением междометия является выражение эмоциональных и волевых состояний говорящего. Однако не стоит забывать, что значение данных состояний раскрывается на текстовом/контекстуальном уровне.

В настоящей статье мы обращаемся к одному из важных вопросов, связанных с междометием, – к его функциям в немецком тексте, т.к. именно текст дает наиболее полную информацию об изучаемом объекте. Однако текст будет представлен с позиции контекста, в котором выявляется конкретное значение междометия. Текст рассматривается не с позиции его объема (широкий/узкий), а как последовательность знаков (контекст), которая, в свою очередь, является словесным окружением междометия.

В связи с этим в начале статьи рассмотрим определение текста, его характеристики в современной лингвистике. Далее обратимся к функциям междометия в тексте, определим роль текста/контекста в изучении междометия.

Исследуя дефиниции текста, мы отметили, что данное явление рассматривается лингвистами в широком и узком смыслах.

В широком смысле текст понимается как «всякая записанная речь (литературное произведение, сочинение, документ, а также часть, отрывок из них)» [Ожегов 1995: 780].

«Als Text bezeichnet man jedes Stück zusammenhängender Rede, angefangen mit einer schlichten Äußerung im Alltag bis zu einer Novelle, einem Roman, einer publizistischen Schrift oder einer wissenschaftlicher Abhandlung, da sie alle Erzeugnisse der kommunikativen Sprechfähigkeit der Menschen sind» [Москальская 1983: 325] – «Под текстом понимается любая часть связной речи, начиная с простого высказывания до новеллы, романа, публицистического очерка или научной статьи, т.к. они являются продуктами коммуникативной языковой деятельности человека».

В узком смысле текст воспринимается как «сообщение, существующее в виде такой последовательности знаков, которая обладает формальной связанностью, содержательной целостностью и возникающей на основе их взаимодействия формально-семантической структурой» [Лукин 1999: 5].

«Der Text ist eine nach der Intention des oder der Sender sprachlich abgeschlossene Spracheinheit, die nach den Regeln der Grammatik gebildet ist» [Абрамов 1999: 153] – «По отношению к намерению говорящего, текст является языковой закрытой единицей, которая образована по правилам грамматики».

Художественный текст является четко организованной структурой, которая содержит в себе множество смыслов, реализуемых при помощи возможных комбинаций языковых единиц, значение которых, с одной

стороны, задано системой языка, а с другой – оно неисчерпаемо, поскольку языковые средства способны трансформировать свое значение. Решающим фактором, определяющим истинный смысл соответствующей языковой формы в конкретном случае, является лингвистический контекст [Голякова 2002: 108].

Обратимся к понятию контекста.

Контекст – определенная система отбора языковых элементов, позволяющая актуализировать необходимое значение, тем самым, исключая смысловую неопределённость, многозначность [Лотман 1970: 44].

«Контекст – относительно законченная в смысловом отношении часть текста, высказывания. Значение слова узнается в контексте» [Ожегов 1995: 286].

Ирина Георгиевна Торсуева дает следующее определение контекста: «контекст (от лат. contextus – “соединение”, “связь”) – законченный отрывок письменной или устной речи (текста), общий смысл которого позволяет уточнить значение входящих в него отдельных слов, предложений, и т.п. [Торсуева 1990: 238].

«Контекст – завершённый в смысловом отношении отрывок письменной или устной речи (текста), необходимый для определения входящих в него слов или словосочетаний» [Ефремова 2000: 415].

Таким образом, контекст – законченный в смысловом отношении отрывок письменной или устной речи, смысл которого позволяет определить значение входящих в него слов, словосочетаний, предложений.

В современной лингвистической науке изучается вопрос об особенностях горизонтального и вертикального контекстов художественного пространства текста. Горизонтальный контекст дан непосредственно. Это лингвистическое окружение данной языковой единицы, условия и особенности употребления элемента в речи, которые позволяют установить значения, входящие в него [Ахманова 1977: 47].

Контекст вертикальный присутствует как бы незримо. Это информация историко-филологического характера, объективно заложенная в художественном произведении, для понимания которой необходим определенный объем так называемого фонового знания, то есть того социально-культурного фона, который характеризует воспринимаемую речь [Ахманова 1977: 47-48].

Перед языковедами стоит также нелегкий вопрос определения границ стилистического контекста как объекта лингвистики текста. В связи с этим используются понятия микро- и макроконтекста [Васильева 1983: 135].

Под микроконтекстом понимается минимальный сегмент текста с общей стилистической функцией, в котором реализуется максимальное содержание речевой единицы. Микроконтекст ограничивается рамками предложения, сверхфразового единства или абзаца [Арнольд 2002: 67].

«Макроконтекст – контекст целого произведения, то есть максимум индикации речевой единицы, получаемый за пределами единой стилистической функции» [Арнольд 2002: 68].

Микро- и макроконтексты находятся в тесном взаимодействии. Если макроконтекст определяет контекстуальное поведение всех привлеченных в произведение лингвистических единиц различных уровней, то его внутренняя, глубинная структура так или иначе отражена в микроконтекстуальных связях [Авалиани 1974: 6].

В представленной статье междометия будут рассмотрены на уровне микроконтекста, поскольку именно он способствует снятию полисемии языкового знака, реализует диалектическое противоречие конкретности и абстрактности, однозначности и многозначности.

На основании вышесказанного определим роль контекста в изучении междометий. Для этого рассмотрим междометие *ach* в разных микроконтекстах. Следует отметить, что не все междометия однозначны. Некоторые междометия вне контекста никакого значения не имеют, а в контексте могут выражать самые разнообразные, даже противоречивые чувства [Шендельс 1952: 187]. К таким междометиям относится и междометие *ach*. Рассмотрим его значения:

Ach! – 1. verwendet, um Bedauern oder Schmerz auszudrücken. – «используется для выражения сожаления или боли».

2. verwendet, um einen Wunsch oder eine Sehnsucht auszudrücken. – «используется для выражения желания или тоски».

3. verwendet, um Erstaunen oder Freude auszudrücken. – «используется для выражения удивления или радости» [Langenscheidt 2008: 51].

Сравним несколько контекстов, в которых встречается междометие *ach*:

1) Robin lief durch den Wald. Sein Frohsinn war dahin, denn er hatte einen Menschen getötet, und das lag ihm schwer auf der Seele.

„Ach“, rief er, „hättet ihr doch nie das Wort an mich gerichtet, hätte ich doch nie euren Weg gekreuzt!“

Doch in all seinem Schmerz war ihm klar, dass geschehene Dinge nicht zu ändern sind [Pyle 1997: 7].

2) Die Antwort des Priors lautete: „Hast du mir mein Geld mitgebracht?“

„Ach! Ich habe nicht einmal einen Penny bei mir“, erwiderte der Ritter.

Der Ritter kniete immer noch auf dem harten Steinboden [Pyle 1997: 131].

В первом примере междометие *ach* несет в себе оттенок сожаления, боли: «Sein Frohsinn war dahin, denn er hatte einen Menschen getötet, und das

lag ihm schwer auf der Seele». – «Его веселый нрав пропал, ибо он убил человека, камень лежал на его душе».

Во втором случае междометие «ach» содержит в себе значение сожаления: «Die Antwort des Priors lautete: „Hast du mir mein Geld mitgebracht?“» – «Ответ приора звучал так: “Ты принес мне деньги?”». – «„Ach! Ich habe nicht einmal einen Penny bei mir“, erwiderte der Ritter». – «Ах! У меня никогда не было ни пенни»; «Der Ritter kniete immer noch auf dem harten Steinboden». – «Рыцарь стоял на коленях на твердом каменном полу».

Для определения, какое конкретное значение несет в себе междометие, помогают контекстные показатели/индикаторы. К ним могут относиться глаголы, прилагательные, наречия [Шаронов 2008: 138].

В первом примере контекстный показатель – глагол *rufen*. *Rufen* ‘кричать’ – *etwas mit lauter Stimme sagen* ‘говорить что-то громким голосом’ [Langenscheidt 2008: 897]. Глагол несет в себе экспрессию, крик души, боль.

Во втором примере встречается индикатор *erwidern* ‘отвечать, возражать’ – *j-m eine Antwort auf eine Frage oder auf eine Aussage geben* ‘кому-либо давать ответ на вопрос или высказывание’ [Langenscheidt 2008: 355]. В данном случае глагол несет в себе нейтральную эмоциональную окраску.

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что к специфике первичных эмоциональных междометий следует отнести возможность одного междометия передавать несколько разных эмоций. Определить конкретное значение, которое несет в себе междометие, помогают контекст, а также контекстные показатели, поскольку именно они исключают смысловую многозначность, снимают полисемию языкового знака.

Список литературы

Абрамов Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков : учеб. для студ. вузов / Б.А. Абрамов. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – 288 с.

Авалиани Ю.Ю. К взаимодействию микро- и макроконтраста (слово и фразеологизм в художественном тексте) / Ю.Ю. Авалиани // Лингвистика текста. – М., 1974. – С. 6-11.

Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И.В. Арнольд. – СПб. : Из-во СПб. ун-та, 2002. – 444 с.

Ахманова О.С. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема / О.С. Ахманова, И.В. Гюббенет // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – С. 46-58.

Васильева А.Н. Художественная речь / А.Н. Васильева. – М. : Русский язык, 1983. – 256 с.

Голякова Л.А. Текст. Контекст. Подтекст : учеб. пособие по спецкурсу / Л.А.

Голякова. – Пермь : ПГУ, 2002. – 232 с.

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – 1213 с.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 384 с.

Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа / В.А. Лукин. – М. : Ось-89, 1999. – 192 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 800 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов. – 3-е изд., стер. – М. : АЗЪ, 1995. – 928 с.

Торсуева И.Г. Контекст / И.Г. Торсуева // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 238-242.

Шаронов И.А. Междометия в речи, тексте и словаре / И.А. Шаронов. – М. : РГГУ, 2008. – 288 с.

Шендельс Е.И. Грамматика немецкого языка / Е.И. Шендельс. – М. : Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1952. – 367 с.

Moskalskaja O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / O.I. Moskalskaja. – 2. Aufl. – М. : Hochschule, 1975. – 366 S.

Pyle H. Robin Hood / Howard Pyle. – Wien : Bechtermünz Verlag, 1991. – 226 S.

Götz D. Langenscheidt. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache / D. Götz. – Berlin, 2008. – 1309 S.

АНТРОПОНИМЫ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ СВАДЕБНОЙ ПЕСНЕ

С.Ю. Семенова

*Научный руководитель: Т.Н. Романова,
кандидат филологических наук, доцент (ЧувГУ)*

В современной науке одним из актуальнейших направлений являются антропоцентрические и лингвокультурологические исследования языка как «животворного истока всего ценностно-смыслового пространства культуры» [Алефиренко 2010: 13]. В связи с этим значительный интерес представляет изучение культурно-национальной специфики антропонимов в составе фольклорного текста.

Материалом для данного исследования послужили 657 текстов русских народных свадебных песен из общероссийских песенных сборников обрядовой поэзии [Живая вода 1975; Круглов 1989; Круглов 1978; Лирика русской свадьбы 1973; Народные песни Воронежской области 1974; Обрядовая поэзия 1989; Обрядовая поэзия Пинежья 1980; Русская народная поэзия 1984; Русская свадебная поэзия Сибири 1984; Русские народные песни Смоленской области 1990], а также 113 оригинальных текстов русских народных свадебных песен, зафиксированных на территории Чувашской Республики [Магницкий 1877; Русские народные песни и частушки в Чувашии 1975; Русский фольклор в Чувашии 2009; Цимковский 2006]. Общий объем выборки